

Детектив Фантастика

Юрген Байконур

АРХИВ

II

**Четвертый элемент
Зерна**

16+

Юрген Байконур

**Архив 2. Четвертый
элемент. Зерна**

«Автор»

2015

Байконур Ю.

Архив 2. Четвертый элемент. Зерна / Ю. Байконур — «Автор», 2015

«Архив» — общее название серии повестей, включающих элементы детектива, приключений, фантастики. Действия разворачиваются в первой половине XX века и в настоящее время. Место — Россия. Книга состоит из трех частей: 1. «Троль» и «Морское танго»; 2. «Четвертый элемент» и «Зерна»; 3. «Пересечения» и «Живец на живца».

© Байконур Ю., 2015

© Автор, 2015

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	13
5	17
6	20
7	23
8	26
9	28
10	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юрген Байконур

Архив 2. Четвертый элемент. Зерна

Архив Смагина
Часть 2
Четвёртый элемент,
Зёрна

1

Четвёртый элемент

Начало этой истории Иван, в отличие от всего остального её содержания, довольно долго скрывал. Я не совсем понимаю, почему он так поступил, но, видимо, у него были на то веские основания. Именно по причине этой временной скрытности я долго не мог понять, как он вообще влез в это пренеприятное во всех отношениях дело и главное – как он из него вылез целым и невредимым. И вот недавно, когда я незванным гостем в очередной раз оказался в его уютной квартирке, он без всяких предисловий и лирических отступлений сообщил мне: «Ко мне обратился генерал, тогда всё и началось».

Что началось, я знал. Но вот таинственный генерал выплыл неожиданно и не к месту. Дело в том, что главный герой повествования, его мотивации и формат действий на тот момент были мной бесспорно определены – это Иван, действовавший на свой страх и риск и по собственной инициативе. И тут вдруг какой-то генерал.

Я не являюсь биографом моего приятеля и не могу отслеживать и излагать во всех деталях его героическую судьбу, в том числе и его контакты с таинственными генералами. Таков был примерно смысл реплики, подаренной Ивану в ответ на его признание. И затем я добавил: или следует пояснить, что за таинственная личность претендует на его почётные лавры, или этот щекотливый элемент желательно опустить вообще, словно его и не было.

«Насчёт «элементов» ты здорово подметил, – сказал Иван. – С них генерал и начал...» Это уже было слишком. В моём повествовательном уравнении появилось уже два неизвестных, что вызывало лёгкую головную боль и вполне понятное раздражение. Стало ясно: если его не одёрнуть, он будет выстраивать рассказ в своей, понятной только ему, манере. И я потребовал изложить искомый материал по-солдатски: кто, где, когда и как!

Иван не обиделся и прислушался к моему небезосновательному требованию. Чётко доложил: «Генерал Корнеев Анатолий Викторович. В начале мая. Позвонил мне и предложил встретиться». И затем с вызовом спросил: «Теперь ясно?»

Что я мог ответить? Пришлось немного нагрубить, и в результате устами моего драгоценного приятеля нарисовалась следующая картина.

В первых числах мая – помню, помню, те денёчки многообещающие! – на мобильный Ивана позвонил человек, с которым он раскручивал изрядно нашумевшую историю с загородными автомобильными авариями. Мерцающая с определённой частотой световая полоса, образуемая рекламными плакатами с замысловатой иллюминацией, негативно влияла на психику водителя, он терял способность управлять машиной... Полного статуса Анатолия Корнеева Иван на тот момент не знал – начальник управления, и всё. Почему бы нет, подумал Иван, и согласился на встречу. Тем более, что звонивший представился генералом со всеми должностными регалиями – и лицо официальное, и звание – не ефрейтор. Место встречи – какой-то фонд по защите чего-то крайне важного, вроде прав граждан, страдающих агорафобией, клаустрофобией и всеми прочими фобиями одновременно. Солидная проходная, охрана – вневедомственная, однако выправка подозрительно бравая.

Хитрый фонд – прикрытие, решил Иван. Ремонт, мебель – так себе, техника – солидная. Сотрудники по легенде – скромные чиновники и поклонники синекуры, но переигрывают: вместо белого лабораторного халата на большинстве из них значительно лучше бы смотрелся халат маскировочный, действия – быстрые, уверенные, коммуникативная реакция – отменная. И главное – при встречах в коридоре настолько чётко, по-военному уступают один другому дорогу, словно на стенах вместо портретов учёных вывешен расписанный крупными буквами табель о рангах, и всегда есть возможность подсмотреть, кто есть кто – не ошибёшься.

Генерал принял в довольно просторном и скромном кабинете на втором этаже, на двери висела пустая табличка (видимо, тоже для конспирации). Иван не стал делиться с генералом результатами своих наблюдений. И это хорошо: в этом случае, я полагаю, их беседа сто процентно бы состояла из аналитических рассуждений моего друга. Я могу предположить: генерал – человек широких взглядов, но всё же не настолько широких, чтобы, подобно мне, достаточно долго терпеть «поток сознания» моего бывающего порой чрезмерно эксцентричным приятеля.

И дело здесь не в прозорливости Ивана – просто генерал после краткого приветствия начал говорить первым, заваривая при этом, как скоро выяснилось, очень недурственный чай. Отрывать его внимание от этих двух процессов было бы верхом нетактичности, а Иван при всех его недостатках – человек воспитанный, с хорошо развитой интуицией. И ещё у меня есть подозрение, что в ходе раскрутки автомобильного дела генерал имел счастье ознакомиться с особенностями психотипа моего друга и сложил на этот счёт своё мнение, способствовавшее в определённой мере выбору формата разговора.

Начал генерал, как я предполагаю, если не с конца, то с середины. Такой подход Ивану импонирует, так как сам часто ведёт себя в аналогичной манере.

– Ограблены три сейфа, мой уважаемый коллега, – начал генерал, расставив чашки с ароматным чаем. – Имеем три элемента, в гармоничное и понятное уравнение пока не складывающиеся. Старинной работы, надёжные.

– Старинной – значит, не электроника... – вставил Иван.

– Именно так, – кивнул генерал и почему-то при этом загадочно улыбнулся.

Иван немного растерялся и даже смутился: в такой компании ему ну никак не хотелось обсуждать историю с сейфом, принадлежавшим троллю. Корнеев не настаивал и даже не намекал. Иван успокоился, но улыбка его насторожила.

– Старинные, они когда-то были добротные и безопасные, а сейчас это хлам: любой кулибин повозится и откроет, – не удержался Иван.

Генерал доброжелательно пододвинул Ивану сахарницу и продолжил:

– Именно сейфы старого образца отличаются механической изощрённостью. И наши – из таких. Там ещё кодировка сложная, комбинаций – миллионы, а может, миллиарды, мы и считать не стали. С таким запирающим устройством даже теория вероятностей не хочет бороться – нет шансов. Все эти прослушивания, постукивания – это в кино. Об этом мы, кстати, ещё поговорим.

Иван не понял, о чём предстоит ещё поговорить – о прослушиваниях и постукиваниях или о кино. Уточнять не стал – в процессе прояснится. Но предположил:

– И злоумышленник выбрал из всех зол наибольшее – не стал прожигать, резать, взрывать... просто открыл?

– Именно так, – ответил генерал и, скорее всего, ещё раз удостоверился в целесообразности сотрудничества с Иваном.

– И много украли? – спросил Иван.

– Много, гораздо больше, чем можно представить, – ответил генерал.

– И всё непосильным трудом? – съязвил Иван.

– Для пользы дела будем считать, что так, – тяжело вздохнув, предложил Анатолий Викторович и добавил, не скрывая внутренней борьбы: – Предлагаю взять эту установку за основу, дабы не превратить наш поиск в потешную борьбу за справедливость. Есть вещи, обсуждать которые – занятие пустое и неблагодарное. Предлагаю по некоторым позициям просто верить мне на слово, а также не акцентировать внимание на очевидных для обеих сторон фактах.

– Предложение принято, – отчеканил Иван и тут же перешёл в любовую: – А я вам зачем? Я не опер, не следователь, не юрист и даже не частный детектив. У меня нет опыта организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий, у меня нет доступа к вашим картотекам, архивам... Это огромная работа – вряд ли я смогу чем-либо помочь. Специфика не та! Я

привык иметь дело с деформированными хозяйственными структурами и заблуждающимися людьми. В нашем случае...

Генерал недослушал и продолжил свою линию:

– Я знаю, с кем и с чем вы привыкли иметь дело. А по поводу «нашего случая» выводы преждевременны.

Генерал отхлебнул чаю, посмотрел на Ивана и спросил:

– Курите?

– Иногда.

– Тот случай?

– Похоже, тот.

Генерал изящным движением извлёк из недр огромного письменного стола пепельницу, поставил ближе к Ивану. Иван закурил. Анатолий Корнеев понял: дальше тянуть кота за хвост нельзя.

– Ладно, – сказал он, – буду краток. Обстоятельства складываются так, что расследование требует конфиденциальности. Эпизодов – три. Рабочих групп – тоже три. Они работали без связки. Имеется кое-какая информация. Состыковывать группы пока нельзя, добытые ими данные – можно и нужно. Дополнительные поручения по направлениям – через координатора. Всё ясно?

– Всё. Почти. Кто координатор?

– Можно было и догадаться.

– Догадался.

– Вот и ладненько, – подытожил генерал и уже обыденно, по—рабочему добавил: – Ваша резиденция – в другом крыле, вход, так сказать, отдельный, проходная общая, люди проинструктированы. Номера телефонов, адрес, визитки – в общем, работаете открыто, никакого пинкертона. Дерзайте! Ко мне можно попасть и через фонд, и с вашего крыла. Если это понадобится. Если очень понадобится.

2

Четвёртый элемент

Иван Смагин, поясняя свой метод работы, как-то сказал: «В отличие от военных, употребляющих слово «эшелон», я использую слово «пласт» – мне так удобнее». Что тут сказать: удобства для себя каждый определяет самостоятельно, понятно, что такое право есть и у моего приятеля.

Что касается сути сказанного, то здесь я вынужден сделать пояснения, чтобы в дальнейшем не возникало вопросов. Если военные, к примеру, говорят или пишут о линии обороны первого, второго и последующих эшелонов, то слушатель или читатель представляет себе последовательность упорядоченного в определённом формате размещения войск и всякого рода укреплений.

Вот и Иван выстраивал своего рода торт-наполеон, состоящий из привязанных к определённом моменту времени коржей, содержащих упорядоченную информацию. Этот пласт представлял собой версию. Она могла быть однозначно истинной, поверхностной, смешной, неосновательной, сомнительной – любой, но должна быть. На этот пласт накладывается следующий, содержащий в себе новую версию, возможно, противоречащую предыдущей, возможно, существенно от неё отличающуюся, но в любом случае являющуюся её логическим продолжением.

Метод хаотичного нагромождения фактов и появление на этом фоне в нужном месте и в нужное время, как правило, с опозданием, звёздного озарения Иван не принимал. «Это – для гениев, – говорил он, – а я себя таковым не считаю. Да и границу между гениальностью и безумством провести порой довольно трудно. Лучше быть педантом и занудой – не так романтично и броско, зато последовательно и результативно».

Я не берусь судить, насколько мой друг Иван Смагин прав. Возможно, его подход полностью себя оправдывал в делах хозяйственных. Но насколько он будет действенным в истории детективной, я не знал и потому, не скрою, беспокоился и при этом, всё же, надеялся на лучшее.

Наш с Иваном разговор начался в его машине. Он говорил много, с упоением, чрезмерно размахивал руками, предлагал мне для осмотра его новую зажигалку, уверял, что именно с помощью такого агрегата можно с лёгкостью и удобством прикуривать сигары, при этом прекрасно знал, что я не курю. После моего активного вмешательства в процесс разговор продолжился в скверике, на скамеечке в тенёчке. Я старался усвоить весь материал, позволив себе творчески его переработать. Затем следовала обязательная адаптация, цель которой была проста и светла – обнародование основного содержания наших замысловатых, порой вычурных и даже гротескных бесед.

Пока картина преступлений была набросана жирными мазками.

Приличный особнячок принадлежал господину Х. По официальной легенде – торговец-бизнесмен, по неофициальной – лучше не говорить. Дом оборудован сигнализацией, и, как это часть бывает, оборудован для проформы – во-первых, что б было, во-вторых, что б было не хуже, чем у других. О том, «что б работало», никто не думал. Пару раз сигнализация – надо отметить, простенькая, не режимный объект – срабатывала самопроизвольно. Видно, при монтаже были допущены какие-то ошибки. Дело непривычное – шум, крик, нервы, оформление ложных вызовов, неоднократный приход представителей охранной фирмы... Вскоре чувство опасности, новизны и самоисключительности притупилось, стали её включать раз от разу, а затем и вспоминали о ней редко, как об уже не представлявшей интерес игрушке.

Вот этот момент – с надоевшей игрушкой Иван выделил особо и прокомментировал с несвойственными ему эмоциями.

Ну, любим мы, что б было, как у других, рассуждал он. Не волнует нас, хорошо ли нам, удобно ли нам, поёт ли наша душа и радуется... Похожесть нас притягивает. Такой же галстук, хоть расцветкой не подходит, такая же машина, хоть по назначению не подходит, такое же ружьё, хоть патронов к нему не доищешься... Имитация, словом: вещь вроде есть, но на самом деле её нет, ибо функции своей изначальной она не соответствует. Так и с сигнализацией: то работает не так, то вообще не работает. Так и с телохранителем, что в слугу превращается, авоськи с покупками тягает – какая тут, к чёрту, безопасность...

Я понял, что сейчас «остапа понесёт», и осторожно вернул разговор в изначальное русло, ловко вставив: «... и когда семья уехала...»

Так вот, переключился Иван, когда семья покинула на время свою крепость, сигнализация была всё-таки включена – вспомнили. Камеры наблюдения в систему безопасности не входили – хозяин личность примечательная, но не выдающаяся. Дети – на учёбе за границей. Супруги отсутствовали неделю. В эти дни за коттеджем присматривал пожилого века мужчина – нечто среднее между дворником и мажордомом. Ключей от дома у него не было, но ранее хозяева иногда их ему доверяли.

Когда хозяева возвратились, ничего в своей обители непривычного или бросающегося в глаза не заметили.

Прибыли они утром. И лишь во второй половине дня господин X внимательно посмотрел на сейф, ему показалось, что дверца неплотно закрыта. Дёрнул, глянул – пусто. Ни денег, ни роскошных драгоценностей. Были кое-какие ценные бумаги – на месте. Имеются фотоснимки, протокол осмотра. Следов взлома входной двери и сейфа нет. Этот факт Иван подчеркнул особо. Последний вскрыт при помощи кода, знал его только хозяин. Здесь Иван сделал солидную паузу.

В семье никто не курил, возле сейфа обнаружен сигаретный пепел. Время совершения преступления известно – на центральном охранном пульте зафиксировано и выключение, и включение сигнализации с точностью до секунды. Операция заняла 3 минуты 22 секунды. Код домашней сигнализации известен обоим супругам и дворнику-мажордому, по поводу детей – уточняется. Таков первый элемент.

Второй пострадавший – гражданин Y. Аналогичная история. Частный дом, довольно скромный, в сравнении, конечно, с явно нескромными. Хозяин – человек в деловых кругах весьма авторитетный. Дом не охранялся. Супруга пребывала на отдыхе, гражданин Y – весь в делах. Преступление совершено через сутки после ограбления господина X. Факт вскрытия сейфа обнаружен хозяином в районе семнадцати часов. И опять – набран код, известный только владельцу. Украдена большая сумма денег. Осмотр, экспертиза ничего не дали.

И, исходя из терминологии генерала, третий элемент. Через сутки после второго эпизода – квартира в престижном доме. Входная дверь квартиры открыта днём, без взлома, сейф – так же, как и в остальных случаях. Следов нет. Подъезд контролируется камерой наблюдения, диск приобщён к делу. Ущерб – весьма и весьма значителен.

Вот такой получился предварительный «пласт» на момент завершения разговора Ивана с генералом. «Предварительный», как пояснил Иван, потому что представлял он собой набор начальной информации, не позволяющей при всём желании выдвинуть какую-либо версию, за исключением довольно простого и потому зыбкого предположения об активной роли мажордома в первом преступлении.

3 Зёрна

Москва. Кремль.
Во исполнение решения Совнаркома
от 15 марта 1921 года организовать
Управление режимных расследований (УРР).
Руководство управлением поручить
тов. Смагину Андрею Викторовичу.
Архив Смагина.
УРР. Дело 22.12.25. «Зёрна»

Инженер Пелехов Иван Андреевич в этот вечер всё ещё находился под впечатлением от известия о смерти любимого поэта Сергей Есенина. Много говорили, некоторые плакали, вспоминали стихи, помянули, опять плакали, взывали к душе и говорили о сложностях и достижениях социалистического строительства, ещё помянули... И всё же не верилось: не мог такой человек, талантище, вот так просто уйти – был и нет, совсем нет. Тело покойного родственники и власть решили перевезти в Москву, место – скорее всего, Ваганьковское кладбище. Земля ему пухом!

Иван Пелехов вполне осознавал, что был слегка или даже чуть более того пьян. Но возбужденное сознание, как он про себя отметил уже не в первый раз, было всё же не следствием выпитого. Неожиданные душевные переживания – вот в чём причина. Он иногда скользил, но не падал. Когда он, с вызовом поглядывая на вечерних прохожих, громко шептал: «Вечером синим, вечером лунным...» – накатывала слеза. Он вытирал лицо рукавицей, влажные щёки уступали морозному воздуху и неприятно горели.

В таком состоянии Пелехов Иван Андреевич и столкнулся с видением. Со временем этот случай приобрёл много различных личностных интерпретаций. Настолько много, что разбор этого «вечернего полёта» мог потерять смысл. Лишь после строгого морально-политического внушения со стороны сотрудников УРР, напоминания о высоком звании инженера и научной значимости эффекта первого впечатления удалось воссоздать изначальную, хотелось бы верить, истинную картину увиденного.

Иван Андреевич дружил со словом и знал: подворотня в классическом варианте означает щель между воротами и землёй, и потому фраза «собака гавкает из подворотни» вызывала в его сознании простую и понятную деревенскую или окраинную картину. Большинство же неподготовленных городских граждан «видело» в этом случае пса, лающего из сквозного, тоннельного, часто обрамлённого аркой домового прохода. Вот такая подворотня, днём довольно мрачноватая, а ночью – тем более, украшала привычный путь нашего героя. Тридцатилетний инженер ни здоровьем, ни лихостью в быту не отличавшийся, обычно, проходя здесь, прибавлял шаг – мало ли что, место для ограбления или какой-нибудь хулиганской выходки самое подходящее. И на этот раз он машинально принял немного влево, исходя из того, что, хотя фора для бегства образуется небольшая, обзор подворотни увеличивается, и это позволит вовремя заметить и упредить возможную опасность. Как именно упредить, Иван Андреевич, как и многие живущие в атмосфере технического новаторства и поэтических кружков граждане, представлял себе весьма туманно. Тем не менее, поступил он так.

Инженер идёт по правой стороне улицы, подходит к подворотне, слегка отклоняется от маршрута влево и видит в подворотне... довольно большой костёр. Светло, как днём, и потому прекрасно видны могучие ёлки и серо-голубое небо. А подворотня – не высокая, с полтора человеческих роста! И главное – возле костра сидят на брёвнышке два причудливо одетых

человека. Высокие болотные сапоги забыть нельзя. А вот остальное – то ли телогрейки, то ли плотные куртки, перетянутые, как у военных ремнями... Лица? Лиц не видно, так как головы закрыты странными балахонами. И вся эта картина мерцает и смотрится как через запотевшие очки.

Описывая свои впечатления, инженер здорово потрепал нервы слушателям. Особенно трудно было уяснить тезис с «очками». Дело в том, что инженер носил очки, и понятно: на морозе – дыхание, волнение, водочные испарения – они должны были запотеть. Однако Иван Андреевич уверял: «Я знаю, что такое запотевшие очки! Не сбивайте меня! То, что я наблюдал, смотрелось, словно через запотевшие очки. Но это были – не мои очки!» Вот такое свидетельство, вот такая трактовка.

Следует сделать некоторые дополнения и пояснения. Замечательное событие произошло 29 декабря, фигурант сам признался – был выпивши, неоднократно это подчеркнул и пояснил, по какому поводу. Повод понятен. Душа экзальтированного человека для опытного исследователя – не потёмки. Иногда в ней такое может выстроиться причудливое, что приземлённому человеку – ни понять, ни объять. Сотрудников Смагина трудно было причислить к безнадежно приземлённым. Потому и воспринималось ими многое увиденное и услышанное в ракурсе, отличном от подходов, встречающихся в обычной милицейской или чекистской практике. К тому же видеть невидимое и слушать неслышимое являлось их прямой служебной обязанностью.

Конечно, повальной заблаговременной встречи Нового года тогда не наблюдалось, но отдельные и достаточно яркие случаи своеобразных встречных праздничных обязательств, безусловно, были. И в этих случаях можно было увидеть и не такое – доходило и до белой горячки.

Опрос инженера осуществлялся вечером 2 января 1926 года. То есть, инженер плюс ко всему происшедшему отметил праздник, много думал, сомневался, решительно рвал со старыми пороками, принимал решение начать жить сначала и... только в этот день, утром, решил поделиться своими впечатлениями. Первоначально он обратился в милицию. Там нашлись, к его счастью, адекватные люди, результат – вечерняя беседа в УРР.

Вообще-то, случай отдавал патологией. И можно было бы перенаправить пациента к докторам и только после их обнадёживающего заключения продолжить беседу, а может, и вовсе не продолжить. Однако имелось обстоятельство, позволяющее проявить по отношению к событию повышенный интерес, и даже требующее его оперативного разбирательства.

Начальник УРР Андрей Викторович Смагин находился в своём кабинете, он смотрел в тёмное окно и пытался рассмотреть картину, закрываемую собственным отражением. В только что приоткрытую форточку осторожно пробиралась струйка свежего воздуха. Он ловил её ртом. Смагин плохо видел улицу, подумал: погаси свет, и откроется полная и ясная картина январского вечера.

«Так и в этом деле, – подумал Смагин, – погаси кабинетный свет, отбрось папки, протоколы, прокуренные совещания, мнения вечных скептиков и, отбросив сомнения, предположи: а вдруг так оно и было? Если не было – всё ясно. Но если было?» Он подошёл к стеллажу и взял папку с протоколом допроса. Достал документ. Следовательно, его передавший, уверял: не хотелось эту галиматью и писать... Текст Смагин помнил почти наизусть. Этого было мало. Он вызвал дежурного.

4

Четвёртый элемент

Ивану дали в помощь два юных дарования – Демьяна и Ирину. Вернее не дали, а дал: принимать такие решения мог только генерал. Иван с трудом представлял, какой от них может быть прок, но отказываться от помощи не стал. И вообще – шаг довольно странный: генерал в ходе начальной беседы несколько минут обосновывал необходимость конфиденциальности и вдруг выделил помощников без опыта и вряд ли наделённых достаточным пониманием золотого правила, цитируемого Иваном и к месту, и не к месту: «Воин-радист, будь бдителен вдвойне – враг может быть на твоей волне!» При этом, где он видел этот образец призыва к бдительности, не рассказывал, что позволило мне проявить смелость и предположить: он побывал в архивах СМЕРШа или подробно беседовал с кем-то из ветеранов этой некогда все-ильной и эффективной организации.

Я с ужасом представляю, как он налаживал отношения с молодыми сотрудниками. Уж если я, человек, много лет поддерживающий с ним дружеские отношения, готов был порой взорваться от манеры его поведения, то, что же увидели, услышали и при этом почувствовали несчастные Демьян и Ирина, я мог только представить. Хотя, возможно, я преувеличиваю странности поведения Ивана Смагина и, откровенно говоря о его отдельных недостатках, руководствуюсь собственными мелкими обидами и чрезмерным субъективизмом.

Лишь много позже по отдельным высказываниям, отрывочным воспоминаниям я, насколько смог, восстановил драматургию возникновения и развития этого тайного антикриминального союза. И здесь представить общую картину может первый день знакомства.

Встреча состоялась в уже упомянутом фонде, в отдельном крыле, в просторном кабинете, временно выделенном новоявленной группе. Иван не знал, насколько действия его временных сотрудников состыкованы, судя по заявлению генерала – никак, и потому назначил встречи с разрывом полчаса. Первым прибыл Демьян. Выяснилось: он ведёт дело по господину Х.

В кабинете, более напоминающем небольшой учебный класс, стоял бюст Аристотеля, доставшийся «фонду», видимо от какой-то конторы, занимавшей эти пенаты. Иван не представился, не поинтересовался, хотя бы фрагментарно, со служебными достижениями помощника и даже не поинтересовался его точкой зрения на расследуемое ограбление. Он почему-то постучал бюст по теменной части бюста и задумчиво сказал, перепутав имя собеседника:

– Дмитрий, уважаемый коллега, а зачем здесь это?

Демьян не поправил руководителя и обозначил оперативную субординацию:

– Наверное, от предшественников. Мешает? Вынести? Выбросить?

Иван удивился такой быстрой реакции и пустился в исторический экскурс и ценные рассуждения:

– Зачем же выбрасывать? Близость к гению – не помешает. Кстати, когда четырёхлетний Картезий увидел стоящий у отца в кабинете бюст Аристотеля, он проникновенно произнёс: «А-а-а». На этот весомый факт обращают внимание все его биографы... – и многозначительно замолчал.

– Демьян, – после некоторых раздумий, решившись, поправил молодой коллега.

– Как? – удивился Иван и с удивление посмотрел на бюст. – Разве это не основатель школы перипатетиков? – и добавил, как бы между прочим: – Перипат – это садик такой, хотя, впрочем, есть и другая версия, и не одна... Неужели?..

– Я – Демьян...

– Я знаю, очень рад, – радостно сказал Иван, крепко пожал Демьяну руку, вспомнил о служебной этике и продолжил: – Я – Иван. – Подумал и на полном серьёзе спросил: – С нами – понятно. А это?.. – опять постучал бюст по темечку.

– А это Аристотель, – мягко уточнил Демьян.

– Значит, я прав, – Иван облегчённо вздохнул и с упрёком обратился к Демьяну, добавив в тоне официоза: – А что вы мне тогда голову морочите?

Демьян промолчал. Иван ещё раз прокрутил в голове ситуацию и, видимо посчитав её недостойного анализа, резко сменил тему, заведомо зная, что Демьян вёл направление по господину Х:

– Неужели никаких следов, кроме сигаретного пепла?

– Никаких.

– Экспертиза пепла есть?

– Нет.

– Надо сделать.

– Завтра! – отчеканил Демьян.

– План дома?

– Имеется.

– Фотографии?

Демьян открыл принесённую папку и подал Ивану пакет. Иван сел за стол, жестом предложил собеседнику занять место напротив и довольно быстро просмотрел фотографии.

– Интересно, – пробормотал Иван, – здесь что – и буквы, и цифры?

– Да, – подтвердил Демьян, – четыре буквы, четыре цифры.

– Это ж надо такое придумать, – уважительно сказал Иван. – Им что – делать было нечего? Демьян не совсем понял реплику и дипломатично промолчал.

– А это что? – спросил Иван, показывая коллеге фотографию?

– Внутренняя часть. Здесь принцип – как автоматической камере хранения. На обратной стороне набран хозяйский код. Набираем его на внешней – и сейф открыт.

– Странное решение, – недоумённо сказал Иван. – Зачем так и усложнять, и упрощать одновременно? – покрутил фото, посмотрел на него с разных сторон и добавил: – Кстати, я ни в сейфах, ни в замках, ни в кодах ни черта не понимаю. Один раз, правда, столкнулся... Получилось – думаю, просто повезло...

Демьян тщательно скрывал на лице выражение безнадёжности.

– Так и было? – вновь заговорил Иван. – Преступник оставил набранный им код? Это – он набрал? – мой друг показал Демьяну фотографию. – А это? – он показал вторую, – хозяйский код, имевшийся на обратной стороне? Я правильно понял?

– Да, именно так, – подтвердил Демьян, отметив про себя сообразительность дилетанта – патрона.

– А зачем он так поступил? – резко спросил Иван.

Демьян недоумённо пожал плечами.

– Что он хотел этим показать? – опять спросил Иван.

– Трудно сказать... – решил всё-таки ответить Демьян. – Дерзость, превосходство, вызов, хвастовство...

– Чем хвастаться, если код ему, как мы видим, был известен?

– Но как?

– Это уже второй вопрос, и здесь есть, над чем задуматься. Но независимо от того, как он его узнал, зачем это показывать?

– Издёвка над болтуном – хозяином? – предположил Демьян.

– А если он не один? – увлёкшись, ляпнул Иван.

– Кто не один? Преступник? – уточнил Демьян.

– Преступник, преступник, кто ж ещё, – исправил свою оплошность Иван, отметив про себя: действительно, группы не состыкованы. Отложил фотографии и спросил:

– Дворника допросили?

– Он пропал.

– Пропал или вы его не можете найти?

– Не можем найти.

– Значит, ещё не пропал, – подытожил Иван. – А кто он вообще этот мажордом, откуда взялся? Как правило, таких людей без рекомендаций не принимают... Кто рекомендовал?..

– Уточняем.

– Уточняйте.

На этом разговор был закончен. Сказать, что Демьян был удивлён, значит, ничего не сказать. Но он уже научился не задавать глупых вопросов и не делать поспешных выводов: задание получено – надо выполнять, думать – это потом, когда падут на погоны генеральские звёзды. Хотя и по поводу этой перспективы у него в душе шевелилось сомнение.

Когда вошла Ирина мой друг слегка выпал в осадок, сражённый её милovidностью. Иван к юбочникам не относился, но непроизвольно начал раскланиваться, расшаркиваться, затем поздоровался с сотрудницей за руку, представился Иваном Смагиным, и, ощутив тепло её ладони, на мгновение забыл, зачем он вообще находится в этой непонятной конторе. Это экзальтированное состояние длилось недолго, однако ирония во взгляде Ирины зародилась и крепла с каждой секундой. Иван понял: надо что-то делать, спасти положение. Но как?

– Вы курите? – очень оригинально начал разговор Иван.

– Нет, бросила, – не менее оригинально ответила Ирина.

– Понимаю, здесь не поощряется... Но, пожалуй, я закурю, – не скрывая неловкости сказал Иван, приоткрыл форточку, достал сигареты, зажигалку, закурил.

Ирина подошла к шкафу, открыла нижние створки, слегка нагнувшись так, что лучше бы она не нагибалась, достала пепельницу, поставила на стол. Иван благодарно кивнул, затаился и решил: не всё так страшно, я не первая и не последняя жертва чертовской милovidности. Сделал ещё пару затяжек, затушил сигарету, помахал рукой, разгоняя дым. Прошла ещё пара секунд, и Иван превратился в самую серьёзность. Ирина наблюдала с интересом.

Здесь я вынужден сделать небольшое отступление. Не могу сказать, что поведение Ивана представлялось мне уж очень странным – это неправда. Мне приходилось встречать такие экземпляры, перед которыми блекли даже комедийные персонажи. Только у тех экземпляров, кроме экзотики в манере вести себя, как правило, за душой не было больше ничего, именно ничего – пустота, фанфаронство, внешняя атрибутика и всё равно – ничего. Понятно: Иван к таким не относился. И уж если я обращал внимание и иногда испытывал некоторую неловкость, связанную с особенностями его характера, то по другой причине. Я не мог гармонично соединить в своём сознании его обычную, порой броскую, несобранность и его же умение сиюминутно концентрироваться и проявлять чудеса хладнокровия, бесспорной логики и иногда даже жёсткости.

Как-то я поделился такого рода мыслями с Глебом, который в последнее время изменился так, что его и узнать было трудно. Он работал сутками напролёт, дал от ворот поворот зелёному змию, что-то там могучее и многостраничное творил, Машка прыгала вокруг, давала кучу советов, на которые он не обращал внимания... В общем, процесс шёл. Я видел: они подходят один другому, они взаимно дополняют друг друга.

Глеб выслушал меня и на мой вопрос, что он думает по этому поводу, ответил: «Много думать вредно – голова заболит. Он такой – какой есть! Он умеет быть всяким, это его естественное состояние. Это редкое явление – в нём живут два человека: один из них человек войны, другой – мира, и оба уживаются, и неплохо. Я Ивана давно знаю, он таким и до контузии был...» На этом я свои психологические поползновения прекратил и сделал мимоходом

два вывода. Первый – в туманном прошлом моего друга присутствует контузия, о которой я ничего не знал. Второй – эта, скажем так, неприятность не сказалась на характере Ивана, он был таким, если не всегда, то достаточно долго.

– Вы закончили изучение дела? – спросил Иван, прекрасно понимая, что дело только начинается.

Ирина стёрла с лица иронию, ответила:

– Заканчиваю.

– Хорошо. Фотографии? Экспертиза?

– Фотографии здесь – Ирина протянула Ивану такой же пакет, как совсем недавно предложил его вниманию Демьян. – Экспертиза ничего не дала.

– Вообще ничего?

– Ничего. Ни одного следа, ни одной зацепки. Дом и сейф открыты без взлома.

Иван вытащил фотографии, посмотрел, бросил удивлённый взгляд на Ирину, затем на фотографии...

– Вы ничего не перепутали? – спросил он недоумённо.

Ирина не поняла, в её глазах высветился вопрос.

– Нет, нет, это я о своём, что здесь путать, – тихо сказал Иван, перебирая фотографии. – Свидетели? Свидетельства какие-нибудь косвенные или прямые есть?

– Ничего.

– Вы верите, что такое вообще возможно? – спросил Иван.

– Раньше не верила, а сейчас... – неуверенно начала Ирина.

– И сейчас не верьте. И в будущем – тоже! – прервал её Иван, встал, подошёл к окну, внимательно посмотрел одну фотографию и продолжил: – То есть, он набрал известный ему хозяйский код – вот и все дела. Его же оставил на наборных дисках – на радость хозяевам...

– Именно так, – подтвердила Ирина.

– Что-то здесь не вяжется. Нагло как-то, наверняка...

– Возможно, – дипломатично вставила Ирина.

Ивану очень хотелось проинформировать Ирину о первом ограблении, но он не мог. Она бы поняла его удивление: второе ограбление по своему формату полностью соответствовало первому. И это ещё не всё. Когда он посмотрел на фотографии, сразу подумал: девочка перепутала и принесла ему фотографии Демьяна... Но она ничего не перепутала: и в первом, и во втором случае фигурировали одинаковые по устройству и внешнему виду сейфы.

Иван очень скомкано, на грани некорректности распрощался с Ириной, поручив ей досконально изучить окружение господина У и возможные источники исходившей от этого окружения опасности. Он спешил. Ему крайне захотелось ознакомиться с третьим элементом – делом господина Z. Документы предстояло изучить самостоятельно, действовать по этому направлению – тоже. Сотрудник, ведущий третий сейф, по словам генерала, был срочно направлен в ответственную командировку.

5 Зёрна

Сеулин Михаил Афанасьевич.
Год рождения 1898.
Сотрудник управления
режимных расследований.
Служит в отделе со дня основания.
Архив Смагина.
УРР. Дело 22.12.25. «Зёрна»

Михаил Сеулин прибыл по вызову дежурного. Смагин сидел за столом, поприветствовал его кивком головы и указал на место напротив. Хотя времени для раздумья было достаточно, Смагин так и не определился, с чего начать. Михаил – человек не новый, спецификой управления уже проникся, но вот так на рывок начинать не следовало.

Погоняло Свирского Андрея Сергеевича, восемнадцати лет от роду, из беспризорников, полностью совпадало с его родом занятий и философией жизни: в привычной среде его величали Гопой.

Смагин не был специалистом по блатному жаргону. В гимназии этому не учили, а в Институте красной профессуры, куда он был направлен руководством и успешно закончил без отрыва от работы в составе первого выпуска с год назад, тем более. Но даже поверхностные познания в этой области могли бы позволить ему не согласиться с родившейся через много лет версией о прямой связи сущности уличного гопника с обитателями ещё недавно петроградского, а теперь уже ленинградского городского общежития пролетариата.

Общего, конечно, в поведении этих двух непростых категорий граждан было немало. Но справедливости ради следовало бы учесть, что совпадения в аббревиатурах – довольно скользкий путь для построения однозначных версий. Смагин неважно знал Петроград. Он там был недолго, да и та пара месяцев были полностью отданы поимке банды Пантелеева. Но этого времени хватило, чтобы уяснить: то самое общежитие на Лиговской, лучшие постояльцы которого щеголяли в красных носках и полублатном прикиде, ранее называлось государственное общежитие признания – тот же ГОП. Но и этого мало. Местные сыщики старой школы, получившие свой первый опыт в московском уголовном сыске, объясняли всё проще: старое слово «гоп» означает удар, рывок. Вот такому объяснению и соответствовал дурной и дерзкий уличный грабитель Свирский. Он-то и был задержан милицией 22 декабря прошлого года при довольно забавных, на первый взгляд, обстоятельствах.

Означенный гражданин в почти раздетом виде, в состоянии крайне возбуждённом, с расширенными от ужаса глазами бежал по вечерней зимней улице, явно стараясь куда-нибудь спрятаться. Наряд его задержал. Нарушитель сопротивления не оказывал, называл стражей порядка «миленькие мои» и уверял задерживающих, что за ним гонится медведь. Милиционеры видели и не такое. На всякий случай связали болезного и доставили в отделение. Подозрительный гражданин не грубил, не сквернословил, осторожно пытался заглянуть за шкаф, под стол, испуганно оглядывался на дверь и уговаривал милиционеров держать оружие наготове.

История эта была не так уж нелепа. Милиция, ГПУ, уголовный розыск серьёзно занимались миллионами беспризорных, количество которых за несколько лет было сведено к сотням тысяч. И наряду со многими другими проблемами, в этом сложном процессе была одна, решение которой рассматривалось как не терпящее отлагательств. Заклучалась она в том, что огромное количество детей, подростков и юношей основательно подсели на марафет. Массо-

вое употребление наркотиков превращало обделённых бытовых и семейным уютом детей в жестоких беспредельных и непредсказуемых преступников. Плюс к этому беспризорная среда образовала гигантский рынок сбыта кокаина.

Поэтому в силу вышеуказанной причины поведение Свирского не рассматривалось как исключительное: кому – голос с неба, кому – ожившие покойники, а кому – медведь. Потому попавший, как решили милиционеры, в плен наркотического опьянения и вытекающих отсюда галлюцинаций Свирский был передан медикам. И можно было бы эту историю забыть. Однако был здесь один момент, заставивший Смагина обратить внимание на зафиксированный милицией инцидент.

– Как дома? Как Маша? – спросил Смагин, знавший о жёсткой простуде Марии Сикорских, теперь уже жены Миши Сеулина.

– Терпимо, боремся, – так охарактеризовал ситуацию Сеулин.

Начальник управления порывлся в столе и протянул Сеулину пачку таблеток. «Всё—таки нашёл», – сказал он. Сеулин признательно кивнул, положил лекарство в карман и выразил надежду, что теперь дело пойдёт на поправку.

Смагин вкратце проинформировал Сеулина о случае с инженером, поклонником Есенина, и затем перешёл к «медведю». Если следовать содержанию письменного и устного милицейского доклада, Гопа прохладился с приятелями, фактически – подельниками «на хазе» – слегка обустроенном подвальном помещении, состоявшем из двух комнат. Одна – большая, с немалой натяжкой её можно назвать столовой. Вторая – поменьше, нечто вроде чулана, где был собран всякий хлам, там же хранился небольшой запас еды – на всякий пожарный.

Что выпивали, Гопа признал, о кокаине – ни слова. Приятели Гопы отлучились по каким-то неотложным делам, и он остался один. В углу большой комнаты за старым шкафом, где находился вход во вторую комнатку, вдруг стало светло, словно сразу зажглось несколько электролампочек, вместо стены выросли большие деревья, похожие на сосны, и прямо на пребывающего в гордом одиночестве уркагана вышел огромный медведь.

Гопа не протирали глаза и даже не пытался запустить в страшилище бутылкой, тарелкой или на худой конец ложкой. Он не вспомнил о лежащей в кармане остро отточенной финке. Гроза подворотен, сидевший на стуле, замер на мгновение и затем, оттолкнувшись от него буквально каждой точкой определённой части тела, буквально взлетел в воздух, там же в воздухе развернулся, слегка коснулся ногами пола и молнией вылетел на улицу. Глотнул морозного воздуха, оглянулся, осознав, что косолапый преследователь отстал, издал победный клич: «Опа! Гопу – не возмёмшь!» – и бросился бежать, не оглядываясь. Он мчался по вечерней улице с завидной скоростью, поскользнулся, падал, быстро вставал и продолжал бег, при этом кричал, рыдал и видел в каждом встречном потенциального спасителя, в том числе и в задержавших его милиционерах. Привод в отделение Гопа принял с благодарностью и, отбросив блатной гонор долго не задумываясь, сдал и адрес, и подельников.

Такая реакция на подвальное видение понятна и удивления не вызывала. Сеулин привёл в качестве примера случай, происшедший с его знакомым, приглашённым на лесную прогулку. Компания забрела в дикий малинник. Не обошлось без царапин и порванной острыми шипами одежды. Эти неприятности были в полной мере компенсированы богатым сбором ягод и возможностью отведать малины от пуза прямо на месте. И вот там рассказчик столкнулся нос к носу с огромным медведем, известным своим пристрастием к сладкому. Медведь не рычал, не ревел, он просто молча, слегка удивлённо посмотрел на незваного гостя. Приятель-однопольчанин, прошедший такое, что гражданскому человеку трудно увидеть даже в кошмарном сне, встретился взглядом с желтоватыми глазами медведя, машинально отметил размер его когтей и... думать перестал вообще. Он не помнил, как оказался в километре от малинника, где его разыскали пребывавшие в неведении участники прогулки.

Примечателен в этой истории со счастливым концом следующий факт: бежал он молча и, настолько ловко лавировал среди цепких кустов и деревьев, что его бегство никто не услышал. Красноармеец, выросший в городе, неоднократно познавший на войне истинный страх, впервые ощутил на себе, что есть ступор и полный провал в памяти.

Однако внимание Смагина привлекли не особенности реакции организма на стрессовую ситуацию. Он обратил внимание на тот факт, что и в видении инженера, и в случае со Свириным фигурировали большие деревья. Иван Пелехов назвал их ёлками, Гопа – соснами. Эти соображения он изложил Сеулину.

Михаил спросил разрешения приготовить чаю, ходил за кипятком, заварил стакан себе – Смагин отказался. Пауза получилась приличная – было время обдумать.

– Есть у меня предчувствие, – сказал Смагин, – наше это дело, наше. Разные места, разные люди. Если злоупотреблять, – он постучал указательным пальцем по пустому стакану, стоящему на столе, – всякое может быть. Но это – не тот случай. Картинки яркие и похожие.

Сеулин бросил на начальника удивлённый взгляд, отхлебнул из стакана.

– Имею в виду деревья, – продолжил Смагин. – Беру на себя смелость предположить: вряд ли кто-то из них, из наших фигурантов, мог бы назвать отличительные признаки этих деревьев или практически отличить ёлку от сосны. Скорее всего, речь идёт об образе крупных пихтовых, при определении которых большинство городских жителей ботаническим педантизмом не страдают.

Сеулин прикинул и согласился: он и сам с детства с завидным и нелогичным упрямством любую сосну называл ёлкой. Человеку, дружившему с лесом, такая вольная трактовка показалась бы очевидно нелепой.

– С деревьями – да, что-то в этом есть, – согласился Сеулин. – Но само виденье? Его природа?

– Это нам и предстоит выяснить – чтобы предчувствие нас или покинуло напрочь, или превратилось в рабочую версию. Или осталось не оправдавшимся предчувствием.

Он потрогал принесённый Сеулиным чайник – остыл. Михаил привстал, Смагин остановил его рукой.

– Надо срочно найти этого гопника. Инженера – на контроль. Ну, и, сам понимаешь – доскональный осмотр мест происшествия. Мест! Обоих. До ниточки с иголочкой, до пылинки, до соринки.

6

Четвёртый элемент

Думаю, читателю не надо прилагать много усилий, дабы представить себе городскую свалку. Зрелище, понятно, нелицеприятное, запахи – не гастрономические. Среди мусора бродят сытые и гордые вороны. Их более шустрые, настроенные на активный поиск собратья парят над хранилищем отбросов человеческих в надежде найти что-нибудь эксклюзивное. Кружится пыль, шевелятся бумажные отходы. Среди мусора лежит помятая газета. Ветерок приподнимает её, отрывает от земли и несёт ввысь. Там, где только что лежала газета – труп. Он виден с головы по грудь, остальное небрежно присыпано всяким барахлом.

Улетающую газету, а затем то, что было спрятано под ней, видит уставший с утра бомж, мужчина неопределённого возраста, специфической харизматической наружности с толстой кривой палкой в руке. На свалке он чувствует себя уверенно, однако труп его не воодушевляет. Он тяжело дышит, что-то бормочет и осторожно подходит к покойнику. Сквозь прерывистое дыхание пробивается: «Надо же, угораздило... А может, подфартило... Так никогда и не знаешь: с вечера – тост, а утром – погост...» Он подходит к покойнику, осторожно зацепляет палкой одежду и слегка оттягивает синюю спортивную куртку...

Таким был пролог истории, разыгравшейся в «лагере для беженцев». Речь идёт не о политических и тем более не о военных изгоях. Обитатели крайне замысловатого в архитектурном смысле бивуака были беженцами судьбы – так определяла свой статус их наиболее просвещённая часть.

Три строения, состоящие из брезента, кусков яркой ткани, обрывков одеял, картонных ящиков, оконного стёкла и прочего замысловатого материала. Большой очаг с кострищем, опорами и котлом приличных размеров, группа малых строений и приспособлений непонятного предназначения. Несколько внешне похожих обитателей обоего пола, хаотично снующих туда-сюда и потому не поддающихся счёту.

Местный участковый инспектор и Демьян поначалу время от времени слегка зажимали носы, подчёркивая своё отрицательное отношение к здешней атмосфере, но довольно быстро привыкли, смирились и почувствовали себя уверенней. Участковый держал в руке полиэтиленовый пакет, где ясно просматривался какой-то блестящий предмет. Взгляд его, как и Демьяна, был строг. И смотрели они с укоризной и строгостью на героя пролога по имени Леха. Леха не имел армейской подготовки, но стоял по стойке «смирно». Ему было страшно, стыдно и вообще он был не согласен с началом и развитием событий сегодняшнего дня.

– Ты что – даже день не можешь вспомнить? – продолжил разбор полётов участковый.

– Не могу, начальник. Старался – не могу.

– Сколько времени прошло – день, два, три, неделя? Ты что – совсем? – попытался разнообразить опрос полицейский.

– Не знаю. Может, дня два-три... Дел-то много, всего не упомнишь. У меня все дни – как вчерашний...

– Может, тебе помочь? – строго спросил участковый.

– Не, начальник, здесь даже помощь не поможет. Это – прострация мозга... – задумчиво, подчёркивая свою озабоченность обсуждаемым вопросом, ответил Леха, не видя радужных перспектив в продолжении разговора.

На то и лагерь беженцев судьбы, чтобы она, судьба, хотя бы изредка являлась в позитивном образе. На этот раз образом стала решительно подошедшая женщина. Она энергично вытирала руки тряпкой, напоминающей полотенце, возможно, тем самым подчёркивая свои

лидерские предпочтения в этом лагере. Доброжелательно, уверенно она внесла струю надежды в разговор:

– Просрация у него, товарищ командир. Жмурика он нашёл седьмого числа, утром. А восьмого у меня день рождения, пока помню. Деньжат срубил, падла, слухалку эту... – она показала «полотенцем» на пакет, где лежал стетоскоп, подумала и сформулировала: – Неразумно изъяс. И всё спрятал. А орлы наши, – помощница гордо обвела взглядом территорию и обитателей лагеря, – нашли, чухало ему начистили, деньги – в коммуну, а слухалку ему оставили – пусть мозги лечит...

Леха виновато развёл руками и благодарно указал своим собеседникам на свою коллегу: мол, видите, теперь всё ясно... Но ясно было не всё. Вмешался Демьян:

– Сигареты у него были?

Леха задумался: где ж здесь подвох.

– Сигареты? Что – не понятно? – продублировал участковый.

– А-а-а, так ещё и сигареты... – присоединилась женщина и дорисовала для полноты восприятия информации картину: – Товарищ командир, он у нас новенький. Не коммунары ещё – кандидат. Не знает, что мы с властью дружим и за покой наш власти нашей очень даже благодарны.

Участковый скривился. Леха понял, что молчать нельзя.

– Так и было. А слухалку оставили, – сказал он сокрушённо.

– Сигареты? – грозно спросил Демьян.

– Была пачка, мятая, початая...

– Где они?

– Понятно, где...

И опять судьба. Решительная предводительница на несколько секунд зашла в строение, представляющее, надо полагать, жилую часть, и вышла, победно демонстрируя зажатые в ладонь две сигареты.

– Они? – строго спросила Леху, раскрыв ладонь.

Леха внимательно осмотрел сигареты и утвердительно кивнул.

– Сюда, – сказал участковый и вытащил из кармана ещё один пакет.

Курево перекочевало в полиэтиленовую ёмкость.

Леха признавал право сильного на не всегда справедливое распределение материальных благ. Но это был форменный грабёж. Демьян прочитал на его лице эти скорбные, отдающие потаённым якобинством мысли и протянул предводительнице пятьдесят рублей в виде компенсации.

– Всё правильно – солдат ребёнка не обидит, – такова была её реакция.

Демьян про себя отметил: и всё же хорошо быть богатым и справедливым. Затем спросил активную даму:

– Два дня прошло – почему не сразу?

– Он же, падла, не сказал, где взял. Только вчера после обеда и проболтался...

– Ну, а вчера... Почему не сообщили? – вмешался участковый.

– Информация должна отлежаться, – твёрдо заявила предводительница.

Аргумент был весомым, Демьян и участковый оставили его без возражений.

– Скоро приедут, – Демьян посмотрел на часы.

– Надо показать! – обратился к скучающему Лехе участковый.

– Что показать? – заволновался Леха.

– То показать! – уточнил полицейский.

– Боязно. Времени сколько прошло... Жара. И птицы эти адские...

– Какие птицы? – уточнил Демьян.

– Адские. Есть райские. И есть, стало быть, адские. Так вот у нас – адские! – внёс ясность
Леха.

7

Четвёртый элемент

Когда Иван при встрече подробно рассказывал мне о своих первых впечатлениях от знакомства с материалами, я, не будучи провидцем, предугадал результат изучения им дела по ограблению господина Z. Уж так всё складывалось – прямо—таки по законам книжного детективного жанра, что третий сейф просто не мог не быть аналогичным первым двум. И я оказался прав, чем заслужил возвышенную похвалу из уст доброго приятеля. Он также уточнил для полной ясности: господин Z – это одинокая женщина, что ни сути преступления, ни хода расследования не меняло. А в целом – ничего нового: квартира и сейф вскрыты неизвестным злоумышленником без взлома. На входной двери имеются отпечатки пальцев, их происхождение и принадлежность предстояло установить. В картине полной безысходности присутствовал светлый момент: имелась запись камеры наблюдения, где были зафиксированы посетители подъезда.

Я помнил рассуждения Ивана по поводу склонности нашего славянского брата к имитации и уже был готов к очередному потоку сознания. Именно так и произошло.

«В этом доме – вообще цирк!» – так начал Иван. Домик приличный, жители всякие – и из новых, и из старых. В каждом подъезде дежурная комнатка. В ней дислоцируется дворник. Утром он мусор убирает, днём выполняет функции секьюрити. Функции эти ему, понятно, до лампочки, но иногда «к кому?» интересуется, если на месте, не на территории – и на том спасибо.

О подъездах. Летом днём они не закрыты. А вот ночью в тёплое время и, понятно, круглые сутки зимой, попасть в них можно, набрав известный всем обитателям подъезда код. Если «всем» то – и родственникам, друзьям, знакомым и так далее. Вот вам ещё пример имитации, подчеркнул Иван. Я попытался возразить слегка: мол, всё же имеет место сдерживающий фактор... «Для кого сдерживающий?» – хмыкнул Иван и продолжил свой рассказ.

Те жители, которые «новые», прикупили быстро машинки. Только вот беда – ставить их некуда. Скинулись, оборудовали себе площадочку посреди двора. Старые поскулили – отстали. Вроде, вопрос с машинами решился. Но вот какая-то сволочь, скорее всего, малолетняя из якобинцев, повадилась пакостить: то краской обольёт, то гвоздём поцарапает добро, трудом праведным нажитое. Хотели частные собственники, в большинстве своём не очкастые, наладить дежурство. Но, кто же из них самый неравный среди почти равных, так и не выяснили, график дежурств не удался, проект не сработал, в общем.

Тогда и решили оборудовать доморощенную стоянку скрытым наблюдением.

Ну, одна камера – как-то несолидно. Поставили две. Мало! Раз такая компания развернулась, нужен масштаб. Планов было громадье. Однако когда до денег дошло, фантазия поостыла. Судили-рядили-торговались, жребий тянули... Решили: две камеры на стоянку, и по одной на каждый подъезд.

Технический вопрос утрясли. Но опять заковыка. А кто эти камеры будет контролировать? Поставили в дежурные комнаты по бэушному компьютеру, где гипотетические представители секьюрити, они же не всегда трезвые дворники, они же консьержи, могли время от времени наблюдать входящих и выходящих граждан. «Могли» не значит наблюдали. На эти же компьютеры завели камеры со стоянки, куда время от времени, особенно ночью, должен был бросать свой строгий взгляд универсальный сотрудник таким странным образом сформированной службы безопасности.

Понятно, что никто наблюдением не занимался, но записи сохранялись, что даже позволило выявить бытового нарушителя, выбросившего пакет с мусором возле подъезда... И глав-

ное – сам факт наличия камер и многочисленных разговоров о них позволил охранить машины от хулиганских выходов.

Я заметил про себя, что Иван даже устал от этого монолога, но был настойчив в своём желании контролировать ход расследования. Иван заключил: подъезд – проходной двор, но никому не нужные записи оказались в нашем конкретном случае полезными. Что удивительно – качество неплохое, из чего можно сделать смелый вывод о том, что технический прогресс наше отсталое сознание существенно опережает. Я спорить не стал. Иван подчеркнул: вся эта бредовая безопасность, обеспечиваемая на таком уровне, является хорошим примером социальной имитации, – и перешёл к другим эпизодам.

Господина Х долго пришлось уговаривать посетить морг – нервишки шалили. Согласился, осмотрел, опознал – на свалке был найден убитый мажордом. Факт подтвердили другие привлечённые. Причина смерти – разрыв шейных позвонков и колотая рана в сердце. Если придерживаться формализма, то речь в данном случае должна идти от двух причин смерти, ибо и первая, и вторая травмы одинаково смертельны, уточнил Иван и при этом добавил, как бы между прочим: «Зачем же так хвастливо демонстрировать мокрушное умение? Добрый – лицо дворника сохранил... А вот жара...» Беседовали мы у него дома, кроме нас никого не было, и получилось так, что вопрос и реплика должны быть адресованы мне. Ответа я не нашёл и посчитал высказывание риторическим.

Демьян, рассказал Иван, собрал информацию по покойнику и ничего примечательного и явно связанного с расследуемым делом не нашёл. Иван Фёдорович Косолапов был человеком мирным, тихим выпивохой – только после работы и в меру. В мелких и тем более крупных кражах или других злоупотреблениях – а трудился он в домах не бедных – никогда замечен не был, исполнительен, аккуратен. Такая характеристика позволяла ему кочевать от одного хозяина к другому и обеспечивать себе таким образом вполне сносное существование.

Демьян довольно быстро отработал промежуточную версию: мог ли Косолапов торговать информацией? На роль дерзкого исполнителя он явно не подходил, но, имея серьёзного подельника, теоретически мог вести двойную игру. Однако заслуживал внимания следующий факт. Близкое окружение Косолапова – такие же не совсем состоявшиеся относительно общепринятого жизненного формата господа – отметило: за пару недель до гибели у Ивана появились деньгата, и немало. Можно было предположить: он мог способствовать проникновению злоумышленника в дом и последующему ограблению.

Стетоскоп, лежавший в кармане убитого, Иван назвал вопиющим бредом и пояснил этот ёмкий тезис. Даже поверхностное знакомство с биографией убитого со всей ясностью говорило: он не обладал ни познаниями, ни технической или воровской квалификацией, достаточными для открытия сейфа такой сложности. Заключение Ивана – «дешёвый фетишизм, граничащий с маниакальностью, полностью исключаящий уважение к сыщику».

Чёрно-белое, плавающее, слегка смазанное изображение – не лучший формат для идентификации. Но иного довольно простенькая подъездная камера дать и не могла. Нечёткая картинка «весила» немного, и просмотр диска с «лёгким» наполнением занял немало времени. Пришлось привлечь дежурную-дворника, несколько обитателей подъезда.

В день совершения ограбления, кроме жителей, в подъезд входили три незнакомца. Одного удалось быстро установить – сантехник по вызову, два пока зависли.

Экспертиза показала несоответствие пепла, обнаруженного возле сейфа господина Х, сигаретам, вытащенным из кармана покойника бомжем Лехой. Демьян доложил об этом факте без особого энтузиазма, так как в его глазах горизонт закрытия дела неожиданно быстро и приятно приблизился, и вдруг – такой облом. Ивана это обстоятельство тоже смутило – схемка рушилась. Комментировать неудачу он не стал, только припомнил слова уважаемого им Эрнеста Хемингуэя: «Легко пишется – плохо читается...»

Таковыми были информационные итоги нашей довольно продолжительной встречи. Он также отвлекался на рассуждения об экономике «падающего листа», сути налога на добавленную стоимость и особенностях метания дротиков и ножей. То есть, наша встреча было насыщенной, разнообразной и полезной для укрепления нервной системы.

Отмечу, что Иван поделился со мной не только некоторыми деталями расследования. Иногда он замолкал и пристально смотрел в окно, словно там могла нарисоваться своевременная и важная подсказка. Раз я даже проследил за его взглядом – лёгкая облачность на сероголубом фоне ничего мне не продиктовала. Это – мне. А вот Иван после очередной такой паузы сказал, обращаясь более к облакам, чем ко мне: «Я представляю, как преступник открывает сейф с сигаретой в зубах, затем идёт с этой же сигаретой по квартире, выходит на улицу...» Я был удивлён таким переходом, Иван это заметил и весело пояснил: «Куда делся окурок?» Я про себя развил эту мысль и тоже не смог представить злодея, орудующего сложными воровскими инструментами, прислушивающегося к каждому шороху на улице и нервно жующего сигаретный фильтр.

Я понял, к чему клонит Иван, и надеялся на детальное изложение сомнения. Однако он завершил свой спич философским предположением. «Сдаётся мне, друг мой, – он уже обращался ко мне, – выплывет у нас ещё один трупик...»

8 Зёрна

Арсентьев Сергей Викторович.

Год рождения 1895.

Сотрудник управления
режимных расследований.

Служит в отделе с 1923 года.

Архив Смагина.

УРР. Дело 22.12.25. «Зёрна»

Главврач Седых, несмотря на многочисленные разговоры о неизбежной профессиональной деформации, старался, как и в первые годы своей работы, с пониманием относиться к психическим. Среди них попадались люди с серьёзными отклонениями, лёгкими расстройствами, временными закидонами и просто симулянты. Все они по-своему были интересны как в смысле лечения, так и в смысле изучения и выработки лечебных и оценочных методик на будущее.

Казалось бы, богатый материал должны были дать мировая и гражданская войны. И действительно дали, но не сразу – потоки больных не хлынули с фронтов. Но вот прошло несколько лет, и страшные трагедии недавнего прошлого дали о себе знать – процент больных вырос. Пациенты – люди сравнительно молодые, со сложным, в основном боевым, прошлым, преимущественно мужчины. И что особо примечательно – много тихих, лечению практически не поддающихся. Сознание не смогло заглушить впечатления и воспоминания, фантазия не смогла нарисовать сказку или большую значимую задачу, способные вытеснить негатив из памяти. Кровавое, жестокое, бескомпромиссное прошлое отоспалось в уголках сознания и во весь голос заявило о себе.

Это была первая волна. Вторая – наркоманы.

Свирский, восемнадцатилетний представитель второй волны, особого интереса не вызвал. Появление медведя в подвальном помещении, это только цветочки, ягодки ещё впереди, пояснил ему доктор. Однако пациент стоял на своём – с марафетом знаком, но большее уважение испытывал к самогону – хорошие проверенные точки имеются. Был выпивши, да, но не настолько, что бы такой кошмар привиделся. Парень не врал, не выкручивался, вёл себя нетипично в сравнении с другими юными уркаганами – похоже действительно был напуган. И под кровать, в тёмные углы и окна посматривал с неподдельной опаской.

Молодой организм, сносное питание и успокоительное сделали своё дело. Больной отъелся, выспался, порозовел и, судя по всему, уже намеревался податься в бега – обычный конец в такого рода историях. Но не успел.

Посетившие больницу товарищи из органов вели себя сдержанно, но твёрдо. Такое поведение сразу избавляет от иллюзий – Гопа повинился беспрекословно, хотя в душе горько пожалел, что затянул реализацию плана побега – расслабился, да и солидные дозы лекарств притормозили обычно быструю реакцию на изменчивые условия жизни.

Гопа боялся милиции, к чекистам же относился сложно – и страшно, и интересно, и вопрос мучает: что же им от меня нужно? Был положительный момент – Арсентьев доставил Гопу в управление в автомобиле. На этом позитив закончился, и пошла обычная канитель, быстро перешедшая в необычную. Когда пришлось рассказывать историю с медведем во всех подробностях в третий раз, Гопа не на шутку занервничал: неясность пугает больше всего. Он понимал: повода для его длительного задержания нет, но организация серьёзная, и здесь могут сделать всё, что угодно, и без всякого повода. Поэтому старался проявлять терпение.

Особую усидчивость он проявил, когда ему показали для сравнения большую толстую книгу с крупными ботаническими иллюстрациями. Он долго всматривался в чёткие детальные рисунки и, как ему показалось, безошибочно указал на дерево, ставшее фоном к появившемуся из-за шкафа медведю. Затем наступила и его, медведя, очередь. Здесь было проще, и из всех предложенных опасных животных он однозначно выбрал одного.

Смагин сидел в сторонке, молчал. Арсентьев парня не торопил, деловито делал пометки, вопросами не давил. Был, правда, момент, когда Гопа решил малость понтонуться. Арсентьев посмотрел ему в глаза, и парень понял, что глубина этих глаз, принадлежащих недавнему красному командиру, не сулит ему ничего хорошего. Гопа сделал правильные выводы, и далее беседа протекала в мирной деловой атмосфере.

Пару раз Арсентьев выходил из кабинета, при этом забирал с собой атласы и книги, что Гопе было совершенно не понятно – это ж не протокол допроса или многостраничное уголовное дело. Через несколько минут Арсентьев возвращался, укладывал литературу на стол. Смагин тоже несколько раз покидал кабинет. За окном, кстати, без решётки, падал редкий снег, ветер его замысловато закручивал и лепил узорами к стеклу. И Гопа начал понимать, что на улице сейчас не жарко, но лучше, чем здесь, и в подвале родном, хоть и страшно, но уже не так: ну, привиделось – жизнь-то то свободная на этом не заканчивается?.. Гопа одного не оставляли, но угощали папиросами, поили чаем, и он пугался ещё больше.

Арсентьев набросал схему событий и был приятно удивлён: подворотня и подвал располагались почти рядом. Он соединил две точки прямой линией, разделил её пополам, поставил в эту точку циркуль, увеличил радиус произвольно – в полтора раза и обозначил круг. «Надо посмотреть, послушать, понюхать, – подумал он. – Кто сказал, что эпизодов два? Мы имеем дело с информацией, поступившей к нам случайно или с чужой подачи. Мы ничего не знаем о других свидетельствах и наблюдениях – забытых, скрытых по различным причинам, не оценённых как необычные».

А в соседнем кабинете шла аналогичная работа с инженером. Смагин не удивился, увидев его указательный палец на том же рисунке дерева, который только что указал Свирский. По ходу дела было сделано ещё одно небольшое, не значимое, но интересное открытие. Пелехов Иван Андреевич, именовавший себя инженером, по большому счету таковым не являлся. Он закончит три курса физико-технического училища, что само по себе было, конечно, не мало, но права называться инженером не давало. Но полученная, бесспорно мощная, учебная база давала возможность освоить практически любую техническую специализацию.

Пелехов выбрал полиграфическое оборудование, без труда его досконально изучил и подрабатывал в нескольких типографиях, где его с нетерпением ждали, радостно встречали и как незаменимого работника баловали, как могли. Новая экономическая политика желала прогрессировать, а двигатель прогресса – реклама нуждалась в разнообразии и высоком качестве типографского исполнения. И вот это разнообразие и качество могло обеспечить только хорошо отлаженное типографское оборудование, особенно если дело касалось цветной печати.

С задачами своими Иван Андреевич успешно справлялся, и в тех перлах, что украшали рекламные страницы и щиты того времени была и его заслуга. «Резинотрест: защитник в дождь и слякоть – без галош Европе сидеть и плакать», «С нами оставляются от старого мира только папиросы ИРА» – это только отдельные образцы рекламного творчества тех лет, и они бы, возможно, не смогли появиться без участия в этом сложном процессе самоучки-полиграфиста.

Два эпизода, как и предполагалось, оказались частями одного целого. Но пока это целое представляло собой большое белое пятно на большой белой карте.

9

Четвёртый элемент

Скорость воспроизведения можно увеличивать, уменьшать, изображение тоже подвергается существенной регулировке. Но качество, не смотря на все эти ухищрения, остаётся паршивым. В день и в приблизительное время преступления подъезд госпожи Z посетили два неопознанных гражданина. Иван вглядывался в экран монитора, и в его трепещущей душе зарождалась надежда, что личность одного из них вот-вот перестанет быть тайной. У него на столе лежали фотографии убитого мажордома. Он поочерёдно смотрел то на них, то на оставленную запись и всеми силами стремился заставить себя не выдавать желаемое за действительное. Похож? Да. Но уверенности – никакой. Небрежно одетый раздолбай, похожий на покойного мажордома, уверенно и легко входит в подъезд.

Иван позвонил мне. Я приехал. Он показал мне фотографии, ткнул указательным пальцем в экран и с нескрываемой надеждой спросил: «Ну? Похож?» Я ответил в аналогичной манере: «Ну, похож...» Иван чертыхнулся и извиняющимся тоном прокомментировал: «Согласен: мы его одетым не видели... – подумал и добавил: – Живым – тоже не видели. Надо приглашать или хозяев или кого-то из окружения».

Я не мог не согласиться. И опять был возмущён недосказанностью: я не знал, кто на фотографиях, и лишь догадался по понятным признакам, что моему вниманию предоставлены посмертные фотографии мажордома. Естественно, я об этом откровенно высказался.

Иван никак не отреагировал на моё негодование и без особого энтузиазма сообщил: «Это он, покойник наш». Задумчиво помешал ложечкой в стакане, куда, по-моему, забыл положить сахар и добавил: «Во всяком случае – похож. В таких деликатных вопросах лучше избегать неподтверждённой однозначности».

Не хотелось бы впадать в правовой либерализм и связанную с ним ущербную философию, суть которой выражается приблизительно так: все мы отличные пацаны, только вот полиция, а также врачи, учителя, водопроводчики, вредители-чиновники, работают из рук вон плохо, занимаются очковтирательством, мошенничеством, подтасовками и так далее, в общем – редиски. Полагаю, что если бы результаты «нашего», труда были бы для широких слоёв населения также очевидны и болезненно ощутимы, как действия упомянутых категорий, то мы стали бы более требовательны, в первую очередь, к себе, а затем уже ко всем остальным. Но это – лирическое отступление.

Тем не менее, не беря на себя роль всезнающего прокурора, считаю допустимым сделать одну ремарку. Выстраивая очередной «пласт», Иван вполне мог бы безоговорочно признать, что на записи – убитый мажордом и тем самым положить начало более-менее логичной цепочке расследования. Однако его задача заключалась не в построении удобоваримой версии происшедшего. Он стремился к другому – воссоздать фактическую картину преступления и, главное, найти реального преступника. «Удобная версия и правдивая версия – это не одно и то же!» – так примерно он выразил свою позицию, подумал, отхлебнул чаю и добавил: «Но когда они совпадают – душа поёт!»

Я с трудом себе представляю пение души при расследовании убийств, ограблений и прочих неприятных жизненных казусов, но, видимо, у Ивана имеется на этот счёт своё мнение.

Также я запомнил сомнение, явно прозвучавшее в оценках Ивана при кратком обсуждении записи камеры наблюдения, и постарался вернуть его внимание к этому важному эпизоду. Иван замялся, закурил, первый раз за всё время нашего общения, и пообещал: «Неприменно. Как только – так сразу. Не готов я пока. Пригласим людей – пусть выскажутся. Машка нужна...»

Чего-чего, но упоминания в такой логической связке о художнице, мною, кстати, давно не виденной, но по-прежнему весьма и весьма уважаемой и где-то по-братски обожаемой, я никак не ожидал и решил не настаивать – всему своё время. Я хорошо помнил историю «Троль» и чувствовал: скучно не будет.

10

Четвёртый элемент

Антикварным магазином занимался Демьян, которого Иван вынужденно ввёл в некоторое заблуждение, так как действовал запрет на объединение «групп», чему, по глубокому убеждению Ивана, пора было положить большой-большой конец. Иван намекнул, что сейфов три – одна партия, но интересуется именно приобретённый господином Х. Добавил: для полноты информации желательно поинтересоваться всем комплектом. Заверил: об ограблении директор вряд ли что-либо знает. Хотя и не был уверен на все сто, что дело обстоит именно так.

Магазин располагался в уютном подвальчике, вход в который, к искреннему изумлению Демьяна, был оснащён мини-эскалатором. «Такая новация сама по себе привлекает, – подумал Демьян, – да и людям в возрасте – уважение». И оказался прав: навстречу ему с помощью узкой движущейся ленты поднимался плюгавый бомжеватого вида мужичок с прекрасными и недешёвыми часами на левой руке, которые тот выставил, словно на показ. «Оригинал! – подумал Демьян. – Неужели все увлекающиеся антиквариатом люди немного с прибабахом?»

Славился магазин тем, что время от времени радовал истинных любителей старины и примазавшихся к ним действительно заслуживающими внимание предметами. Ткацкий станок восемнадцатого века – довольно сложный и поражающий совершенством исполнения деталей. Булатная сабля с впечатляющей инкрустацией. Справедливости ради надо отметить: натуральные драгоценные камни были изъяты, уж теперь трудно сказать, каким поколением экспроприаторов, и заменены на добротные подделки, что от покупателя не скрывалось. Допотопный арифмометр, датируемый шестнадцатым веком, во что было нелегко поверить. Сложный прибор, напоминающий астролябию, действие которого, не имея специальной подготовки, понять трудновато. Фронтальной набор «катушка». Словом, было, чем поживиться.

Потенциального покупателя, наряду с разнообразием ассортимента, притягивал в этот неброский магазинчик тот факт, что многие эти раритеты пребывали во вполне рабочем и даже свеженьком состоянии.

Директор магазина Антон Маркович Зайд, давший все эти разъяснения и комментарии, – пот пятьдесят, подтянут, подвижен, с явной претензией на показную молодость. Он откровенно и с некоторым апломбом заявил: «Работоспособный товар, особенно в части механики, – мой, вернее, моего магазина конёк». И добавил при этом: «Я не намерен тратить время на дискуссии о первозданности того или иного изделия, так как покупатель – не историк, покупателя и его гостей, – последнее слово он повышенным тоном подчеркнул, – больше интересуется рабочей диковинка, забавная редкостная вещица, которой ни у кого другого нет».

«Ёмкое признание, – подумал Демьян, – только никто вам, уважаемый Антон Маркович, дискуссию не навязывает. Возможно, вам её навязывают другие господа – знатоки и поклонники старины, и вы даже от этого устали, но я здесь не причём».

Однако спросил он, по возможности дипломатично, о другом:

– Вот этот ваш принцип, торговое кредо – о «рабочих диковинках» не нарушает, так сказать, связь времён? Антиквариат остаётся антиквариатом?

– Намёк понятен, – ничуть не обидевшись, ответил директор. – В классическом, идеальном, так сказать, смысле нарушает. Некоторые истлевшие под гнётом веков детали мы меняем. Да, меняем, стараясь при этом сохранить изначальный внешний вид и, по возможности, используемый материал. «По возможности» – по той простой причине, что некоторые материалы и рецептура их изготовления или приготовления канули в Лету.

Директор вёл себя спокойно, демонстрировал любовь и к своему торговому заведению, и к избранному направлению бизнеса, что даже вызывало определённую симпатию.

– Изменения, вносимые нами, незначительны, в рамках объективной необходимости. И главное, – Антон Маркович сделал многозначительную паузу и прибавил звук, словно старался, чтобы его речь в этой части наверняка попала в предполагаемую запись, – в сопроводительных документах мы даём не только исчерпывающую пользовательскую инструкцию, но и указываем перечень восстановленных деталей, – хитро улыбнулся, обозначил глазом действие, похожее на подмигиванье и добавил: – А делиться или не делиться с кем-либо подробностями приобретения антикварного изделия – это уже на усмотрение покупателя.

В качестве примера директор показал типовой набор документов, вручаемых покупателю. Выглядело внушительно. Заметив понимание в глазах Демьяна, Антон Маркович задал почти риторический вопрос:

– Как вы полагаете, в исторических музеях, образцах старинной архитектуры... всё гладко с соответствиями, так сказать, времён?

– Думаю, не гладко, – ответил Демьян, отнеся вопрос к нериторическим.

– Вот и я так думаю, – продолжил директор. – Даже не думаю, а знаю наверняка. Так что у нас с этим делом порядок.

Демьян не совсем понял, что значило «с этим делом», но не стал утруждать себя раздумьями, предположив, что директор опасается обвинения в исторических фальсификациях. Он уже хотел перейти к основной части визита и интересующим его вопросам, но Антон Маркович не угомонился.

– Вот, к примеру, сабля булатная, что мы осматривали. Я вас, как и любого покупателя, сразу предупредил: камни поддельные. Но красота? А булат? И поиск средневековых металлургов! Таковую вещь иметь дома! Завистливые взгляды друзей! А вот «катюша»... Ну, нет сейчас такого фитиля. Мы закладываем свой – качественный, но похожий. А кремь и кресало – металлическая пластина такая, ну, вы видели? – настоящие. Набор, доложу вам, редкий. И представляете, достаёте вы сигару, высекаете огонь, фитиль загорается... Прелесть! Все смотрят, завидуют, медленно выпадают в осадок!

Демьян не стал оспаривать прелесть прикуривания сигары от сталинградской зажигалки и аккуратно перешёл к сейфам.

Можно было предположить, что все те мелкие и не мелкие ремонты и реставрации, о которых шла речь в начале разговора, кто-то выполнял. Директор не разочаровал: действительно, есть такой человек, мастер на все руки, «наш левша» и так далее. А потом запнулся, и на лице его выразилось крайнее удивление. Он объяснил: вдруг осознал, что не знает ни имени, ни фамилии мастера.

– Как не знаете? Вы же общались как-то... Расчёты производили...

– Ну, общаться не сложно – величали его Реставратор, вот и всё общение. А вот насчёт расчетов... Ей богу, не помню... Нет, помнить-то и нечего. Не знал и не знаю! Странно, сам удивляюсь, только сейчас осознал... Почему никогда на задумался...

Похоже, что на этот раз директор задумался. Не об имени – о расчётах. Понятно: наличка, она и есть наличка. Но ведь иногда можно и даже нужно официально оплатить.

Демьян не стал уходить в сторону налоговых дебрей. Ему нужны были сейфы.

Антон Маркович не скрыл облегчения – подводный камень, может, и временно, но миновал. И нарисовал, вроде, вполне понятную картину.

Сейфы были приобретены у частных лиц – вполне привычная легальная сделка. Вид – не ахти. Вот тут и был приглашён реставратор.

– Как? – спросил Демьян.

– Что как? – несколько опешил директор.

– Приглашён как? Телефон, посыльный?

- По телефону, конечно. Вот у меня и номерок...
- Листочек с номерком перекинул в карман Демьяна.
- Что значит «не ахти»? – задал второй не совсем корректный вопрос Демьян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.